

М.Ю. Лермонтов

Сочинения Лермонтова

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л49

Л49 **Лермонтов М.Ю.**
Сочинения Лермонтова: Том 1 / М.Ю. Лермонтов – М.: Книга по Требованию,
2014. – 458 с.

ISBN 978-5-518-09825-1

Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным

ISBN 978-5-518-09825-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 6 марта 1860 года.

Цензоры: *И. Новосильскій.*
И. Гончаровъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

—

Какъ тучи, неслись съ Запада на наше небо системы въ продолженіе всего XVIII и XIX вѣка. На время онѣ помрачали всякое другое пониманіе жизни, на время онѣ покрывали одинаковымъ цвѣтомъ природу, людей и жизнь — въ умахъ нашихъ представителей. Мы, слабые бороться съ ними, мы, накликавшіе ихъ на себя, вѣрили и въ тотъ цвѣтъ, которымъ одѣвалась природа, и дышали тѣмъ воздухомъ, то влажнымъ, то сухимъ, который гнали передъ собой тучи.

Послѣдняя туча — байронизмъ — теперь уже почти пронеслась надъ нами. Я говорю «почти», на томъ основаніи, что въ байронизмѣ есть философическіе вопросы, которымъ суждено вѣчно оставаться неразрѣшенными, есть горькія чувства, которымъ опредѣлено всегда сжимать наше сердце. Эта сторона имѣетъ за

себя такую же вѣчность, какъ и сами вопросы и чувства, подъ нею скрытыя.

Другая сторона — однообразіе во взглядѣ на міръ, вѣчный трауръ, въ которомъ система видѣла міро-зданіе, не находя въ немъ ничего, кромѣ законовъ постояннаго, возобновляющагося разрушенія; недовѣріе въ возможность разумной жизни на землѣ, отрицаніе прочныхъ радостей, чувствъ сильныхъ и постоянныхъ скорби и восторга, мгновенность ощущеній, быстро исчезающихъ, данныя въ удѣлъ слабой натурѣ чело-вѣческой — эта сторона, какъ произвольный выводъ изъ первыхъ главныхъ положеній, не можетъ имѣть за собою прочности, на томъ уже основаніи, что жизнь дана именно при такихъ условіяхъ, а не при другихъ, какъ того желала бы система. Своими героями, вѣчными поборниками мысли, несокрушимыхъ чувствъ и безграничныхъ страстей она хотѣла сказать міру: «вотъ какихъ должно было создать людей, вотъ каковы они должны быть. Но они созданы иначе, и потому нѣтъ на землѣ ни истины, ни счастья.» Изъ такой системы было два выхода: или отвергнуть самую систему, проповѣдующую эти мысли, или начать жизнь разрушеніемъ нынѣ существующаго устройства жизни. — Герои системы всѣ были разрушители, непривязанные ни любовью, ни состраданіемъ къ земной жизни. Они губили безъ жалости и радости — съ однимъ убѣжденіемъ въ дуплѣ — все, что живетъ на землѣ, все, что понемногу испытываетъ радости, понемногу страдаетъ.

Крикъ отчаянія, разнесшійся по Европѣ въ концѣ XVIII столѣтія, отчаянія за душу, умъ и чувство человѣка; отчаянія за общество, погрязшее въ рабствѣ, за прошедшую судьбу человѣчества, въ которой не видѣли ничего, кромѣ ложнаго образованія, за будущую, въ которой сомнѣвались, потому - что человѣкъ созданъ былъ несовершеннымъ, — этотъ крикъ отчаянія, освѣтившій въ будущемъ одну безконечную пустоту, былъ сигналомъ байроновской поэзіи, а поэзія — мрачнымъ покровомъ системы.

«Прошедшее, говоритъ Байронъ — безконечная арена преступленій; настоящее — отвратительно; будущее — темно; міръ — игрушка случая; народъ — подлъ; правители безжалостны; философія открываетъ бездну, у которой нѣтъ границъ; любовь — роковая мечта.»

Эта туча подошла и къ намъ, наводя ужасъ на однихъ и возбуждая энергію въ другихъ. Жуковскій первый завидѣлъ ее и, для отвращенія грозы, прибѣгнувъ къ мѣрамъ, которыя уже довольно бесполезно были употреблены на Западѣ: началъ воскрешать всю прелесть средневѣковой, цѣльной жизни, когда человѣкъ вѣрилъ и потому твердо стоялъ на ногахъ. Легенды и баллады были не отвѣтомъ на требованіе вѣка, а красной декорацией, которою стремились занять воображеніе, напряженно-устремленное на одну точку — разъединеніе въ душѣ человѣка. Слѣдовавшій за Жуковскимъ Пушкинъ — съ самаго начала не отступилъ отъ общаго увлеченія, и міръ унынія, міръ тос-

ки владѣлъ имъ безраздѣльно до тридцатаго года. Тутъ онъ круто отвернулся отъ Байрона, или системы, и началъ воевать противъ нея, не западными легендами и балладами про оживающихъ мертвецовъ, про любовь вѣчную и загробную, про вѣру въ таинственное — а русскимъ орудіемъ: вѣрованіями, убѣжденіями русскаго человѣка.

Въ то время, когда Пушкинъ былъ у насъ проводникомъ байронизма и писалъ свои первыя поэмы, другой юноша, пріѣхавшій въ Москву учиться около 1826 г. — Лермонтовъ, жадно заучивалъ ихъ наизусть. Мало-по-малу чрезъ Пушкина онъ впился въ байронизмъ, и когда учитель его оставилъ прежнюю дорогу, шестнадцатилѣтній юноша Лермонтовъ, со всѣмъ жаромъ распускающейся души, предался байронизму, и остался ему вѣренъ всю свою литературную дѣятельность 1836 — 1841 года. Въ двадцать-шесть лѣтъ, когда Лермонтовъ впервые усомнился въ непоколебимости своихъ героевъ — въ «Сказкѣ для дѣтей» — онъ былъ уже наканунѣ смерти. Одинъ стихъ этой недоконченной повѣсти, о «Демонѣ», главному герою его думъ и чувствъ, что

То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ —

указываетъ намъ на нѣчто новое въ будущемъ Лермонтовѣ, еслибъ онъ остался живъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лермонтовъ самъ себѣ не уяснилъ ни въ «Демонѣ», ни въ «Героѣ нашего времени» тотъ идеалъ, къ которому онъ стремился и

который взятъ былъ имъ у Байрона. «Демонъ» и «Герой нашего времени» — двѣ формы одного и того же идеала, одна — болѣе юношеская, отвлеченная, заимствованная изъ восточныхъ преданій, и оттого до-сихъ-поръ болѣе терпимая; другая — болѣе зрѣлая, болѣе приспособленная къ нашему обществу, и потому менѣе удачная, такъ-какъ для идеаловъ чисто-отвлеченныхъ, не только русское, но даже и западно-европейское общество не представляло живыхъ образовъ, картинъ, плоти и крови, которая должна протекать по жиламъ дѣйствующихъ лицъ, для того, чтобъ мы имъ вѣрили. И Байронъ бралъ всѣ дѣйствующія лица, въ которыхъ онъ воплощалъ свои положительные идеалы, изъ временъ мистическихъ. Тамъ только и былъ разгулъ его фантазіи, тамъ она могла свободно создавать самые причудливые образы, и никто, ни исторія, ни общество, не мѣшали дѣйствіямъ героевъ, порожденныхъ отвлеченными философическими соображеніями.

За Байрономъ послѣдовалъ въ эту область и Лермонтовъ въ своемъ «Демонѣ», восточной сказкѣ, съ эпиграфомъ изъ *Каина*. Этой «драматической мистеріи» Байрона онъ подражалъ во всемъ: въ характерѣ и описаніи Демона (у Байрона *Люцифера*), во взглядѣ на міръ и на источникъ зла въ мірѣ, обществѣ и въ самомъ дѣйствиіи демоническихъ силъ на природу человека. Люциферъ, какъ Чайльдъ-Гарольдъ, какъ Донъ-Жуанъ, какъ Манфредъ, принадлежитъ къ тѣмъ созданіямъ, въ которыхъ сильнѣе всего высказалась сущность байронизма. Если Чайльдъ-Гарольдъ затроги-

валъ больше всего политическую и общественную жизнь Европы, Донъ-Жуанъ — внутреннюю жизнь сердца, Манфредъ — философію вѣка, то Люциферъ главнымъ образомъ созданъ подѣ влияніемъ мистическихъ древнихъ преданій о началѣ добра и зла въ мірѣ.

Байронъ, такой страшный для англійскаго общества, котораго англиканская церковь считала еретикомъ, въ области мысли не принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, у которыхъ есть одна исходная точка, одно главное начало всѣмъ второстепеннымъ выводамъ. Художникъ — не въ томъ отношеніи, какъ Шекспиръ, у котораго каждое лицо имѣетъ свою особенную фізіономію — художникъ, по способности усвоивать себѣ всякое міросозерцаніе — отъ пантеистическаго до библейскаго, поэтъ по энергіи и силѣ одушевленія, онъ не можетъ быть строго судимъ, такъ, какъ бы мы судили философа. Единство байроновой системы заключается въ отрицаніи существующихъ условій жизни общественной и гармоніи силъ душевныхъ. Этого отрицанія онъ держался вездѣ. Лордъ и денди въ душѣ, онъ проклинаетъ англійское аристократическое общество; поборникъ свободы, онъ ненавидитъ переродившихся грековъ, за которыхъ сражается; упиваясь жизнью въ Италіи, онъ презираетъ итальянцевъ, какъ людей, потерявшихъ общественный смыслъ... Таковъ онъ и по отношенію къ внутреннему міру человѣка. Нѣтъ убѣжденія, которое бы онъ не разбивалъ, нѣтъ чувства, которое бы не опошлялось въ глазахъ его. Противорѣчіе въ силахъ душевныхъ, противорѣчіе въ силахъ